

За кого будет голосовать Юрий Любимов

Курайтос. — 1996. — 24 апр. — С. 8

А это, пардон, не ваше дело

В Театре на Таганке состоялась премьера спектакля "Подросток" в инсценировке и постановке Юрия Любимова. Предварили ее "превью" — показы для "своих" с приглашением журналистов и критиков. После первого Юрий Петрович устроил в верхнем фойе пресс-конференцию. Пришел в окружении артистов — по-прежнему эффектный, вальяжно смотрящийся даже в молодежной своей "джинсе". И сразу же огорошил собравшихся признанием: "Я речей не говорю. За речами идите в думу!" Оробевших было журналистов поначалу резко пресекал. Постепенно все же сменил гнев на милость и благодушно поведал гостям кое-что о спектакле, театре и жизни в целом.

— Юрий Петрович, вы уже ставили "Подростка" в Хельсинки. От московского тот спектакль отличается?

— Это разные постановки. Разность обусловлена Россией: здесь одни акценты, там — другие, даже текст отличается. И другие люди играют, а они же живые, и все — заново. Вот подход к роману тот же: автор же один. И работаю одинаково всегда — и со своими актерами, и с английскими, немецкими, скандинавскими, греками. Как умею, так и работаю.

— Почему подростка у вас играют сразу два очень похожих актера?

— А больше у меня нет. Было бы три таких — трех взял. Двое же лучше, чем один, если хорошие. Пусть растут, радуют публику. Каж-

дый из них может сыграть всю роль. И я даже говорил им: вот придите перед спектаклем и, может, скажу, чтоб поменялись текстом. Конечно, им-то хочется сыграть больше, это понятно. Когда у меня на сцене пять Маяковских было, те тоже приходили по очереди в кабинет: "Юрий Петрович, ну зачем же в пятером играть, лучше втроем. Или вдвоем". Но вообще наши молодые люди меня устраивают. Рад за театр — снова родился. Его убивали, унижали, безобразничали, но не добились — не вышло. Считаю, что молодое поколение встает на ноги, находит общее игровое "поле" со старшими мастерами. Давно, когда был преподавателем, поражался, как заметно каждое поколение несет свою интонацию. Они говорят другим слэнгом, по-другому относятся друг к другу, ко мне. Разрыв огромный: они же мне в правнуки годятся, не то что во внуки. Трудно находить контакт, дай Бог, чтоб "по профессии" меня поняли.

А главная трудность в том, что мы — малопрофессиональная страна, работаем средне, а хвалимся много. Наша великая актерская школа, о которой столько говорили, давно уже не великая. Даже в балете теряем преимущество, уже не впереди планеты всей. И все-таки еще живы. Наш театр все время хоронят, начиная с "Доброго человека из Сезуана" слышу: вот следующий спектакль обязательно провалится! Но это обычная странная наша недоброжелательность: на словах мы добрые, а

внутри злые, мало улыбаемся, мало помогаем друг другу. И осуждать вроде нельзя — жизнь чудовищная!

— Поэтому предпочитаете за рубежом ставить?

— Ну вы меня не ловите, я "наставился" везде. Если предлагают интересную работу, почему не взять? И потом, там же платят... Даже не считаю, во сколько раз больше. А у меня есть много нахлебников, их надо содержать, в том числе и улучшать условия тех, кто со мной работает. Не то, чтобы они бедствуют, но живут, как все, плохо.

И разве обязательно жить только здесь? Во всем мире люди ездят, работают и там, и там, это считается нормальным. А ненормальные — это мы со всем нашим наследием семи десятилетий. Надо же очухиваться, нельзя так жить? После бойни в Чечне даже траур национальный не объявили. Я вот вам объявил (перед началом спектакля Любимов попросил зал встать в память о погибших в Чечне. — Т.И.). Надо же осознавать горе! Нам, мужикам, вообще должно быть стыдно, что у нас единственными сильными людьми оказались женщины, которые идут в эту бойню и ищут там своих сыновей. А мы еще что-то вякаем. Хотя я сам — человек неполитический, никуда не баллотируюсь, по недоразумению был в партии, слава Богу, выгнали.

— А голосовать пойдете? И за кого?

— А это не ваше дело. Да и какая разница? У власти — те же самые лица, что и раньше

были. Так чего вы все боитесь?

— Вернемся к спектаклю. Вам от многого в романе пришлось отказаться. Не жалко?

— Как говорил Козьма Прутков, нельзя объять необъятное. Я не могу делать спектакль на пять часов — публика утомленная, все заняты. И сам Достоевский просил ни в коем случае не заниматься инсценированием, а делать спектакль фрагментарно или на тему его характеров. Не изображать, что играется весь роман.

— Кто из персонажей вам самому ближе?

— Подросток. И еще в романе есть замечательный женский образ — Катерина Николаевна. Любому мужику я бы ее в жены рекомендовал: мягкая, теплая, обаятельная.

— Почему перестали работать с художником Давидом Боровским?

— Он занят своими делами, я — своими. Художником "Подростка" стал молодой немец из русской "фамилии". Сперва он работал как переводчик, знает немецкий, английский, французский. Потом захотел учиться в художественной академии в Мюнхене, я ему помогал. "Подросток" — третий спектакль, над которым работаем вместе. А музыку написал Эдисон Денисов, с которым сотрудничаем уже двадцать пять лет. Сейчас он болен, бедный, находится в Париже: тут ведь ни для кого денег нет. И со Шнитке так — тот сейчас в Гамбурге.

— Раньше вы обещали поставить "Бесов". Почему передумали?

— И так все вокруг перебежались, чего ж ставить. Я сделал спектакль в Англии с прекрасными артистами и там все сказал, что хотел: фильм прошел по четвертому каналу английского ТВ. Сейчас считаю важным поставить "Братьев Карамазовых", хотя в Москве их поставили уже. Все ринулись в Достоевского, как в рынок. Сам в московских театрах ничего не видел, два месяца не выходил из своего — работал. Еще хочу ставить "Хроники" Шекспира. И уже давно говорю о спектакле по произведениям Ерофеева, да все никак не соберемся. И оперу хорошую поставил бы, в Бонне. Но в моем возрасте длительные планы строить странно.

— К премьере "Подростка" вы разместили в фойе посвященные Достоевскому скульптуры Леонида Барамова. Почему?

— Друзья привели меня в его мастерскую, мы познакомились, понравились друг другу. Его произведения как будто созданы для нашего спектакля. Вообще люблю людей, которые что-то руками умеют делать.

— Как раздвигаете деньги на спектакли?

— Денег же нет. К "Подростку" декорации с трудом сделали, половина в Финляндии куплена, потому что дешево продали. Мы, как попуган, все твердим: "Спонсоры, спонсоры!", а это миф. Или их нет, или уж такие нахальные, что лучше без них. Мне не везет просто — не вижу современных Морозова с Третьяковым. А господин Брынялов на них мало похож. Так что многое приходится главным образом в голове "ставить" — хоть это бесплатно.

— Борьбу вокруг Театра на Таганке прекратили вести?

— Я не Маркс, который больше всего любил бороться. Зачем же с разбойниками воевать — на это есть органы всякие. По мне, хотите создавать свою "фирму" — пожалуйста. А поступать так, как поступили ушедшие от нас актеры, некрасиво. Многие люди до сих пор не понимают, что это за две Таганки. И сейчас то и дело зноят мой родной сестре, спрашивают: "Что это ваш брат там вместе с коммунистами делает?" Вот и объясняй, что это не я вовсе.

— Что пожелали бы себе и близким?

— Стараться пережить это время. И чтобы жизнь стала легче хоть немного. А еще пожелал бы, чтобы наконец дума принципиальные законы стала вырабатывать, а не изображала бы еще один театр из себя. Хватает нам других театров!

Такой вот состоялся в Театре на Таганке разговор. Осадок от него остался, мягко говоря, неприятный. Перед журналистами предстал не режиссер, с которым связана целая эпоха в нашей театральной жизни, но мэтр, свысока поучающий других, как жить. Бесцеремонностью Юрий Петрович и раньше отличался, но в застойную пору она воспринималась как брваада, протест против "режима", сейчас больше смахивает на откровенное хамство. Но вряд ли стоило хамить гостям, которых сам же пригласил в свой театральный дом. И уж тем более не стоило свысока давать советы, как обустроить Россию, в которой сам бываешь лишь наездами.

Татьяна ИСКАНЦЕВА.

24.4.96.

Любимов Юрий